

Когда ей впервые за долгое время разрешили снять повязку и открыть глаза, мир оказался ослепительно... серым. Серые стены помещения, похожего на казарму в миниатюре, серые полупрозрачные одеяла, серые наволочки. Серые больничные одежды, серые лица детей с серой кожей. От света глаза заслезились, она заморгала, а когда снова смогла видеть, перед ней сидели они. Тогда она еще не знала, что впервые увидела своих маму и папу. Приемных, разумеется.

Мальчишка чуть постарше ее, с хрупкими, птичьими костями и коротко стриженными волосами, стоящими дыбом. Она не сомневалась: отрасли те, и торчали бы в разные стороны совсем как у нее... раньше. Карие глаза смотрели с любопытством и янтарными всполохами в глубине. Это было, если честно, самое яркое во внешности мальчика.

Девочка рядом была старше как минимум в два раза. Те же коротко стриженные волосы и карие глаза с кошачьим разрезом, отчего казалось, будто вот-вот она хитро подмигнет и предложит какую-нибудь шалость. В отличие от своего приятеля, ее фигура светилась глубинным внутренним светом, и сердце потянулось к ней, как мотылек летит на огонь. Захотелось прижаться, согреться, даже если потом придется сгореть.

— Привет, — мальчик улыбнулся, колко и ломко, слегка неуверенно, но искренне и тепло. — Меня зовут Десятый, а это Третья. Что-то болит?

— Эм... нет... только глаза жжет немного.

— Понятно. Нам сказали, это скоро пройдет, не переживай. Но если что-то будет тревожить, обращайся к Третьей, она у нас врач.

— И мамочка, — хихикнули с соседней койки. Черноволосая девчонка с замотанным наполовину лицом смешливо показала язык. Бинты слегка размотались и теперь провисали белыми лианами. Когда они начинали мешаться, девочка поправляла их осторожными, боязливymi движениями, словно опасаясь причинить себе новую боль, и тогда становились видны ее тонкие руки с выступающими костяшками, суставчатыми пальцами, похожими на паучьи лапки.

— Это Седьмая, — скривился мальчишка, представляя новое действующее лицо, но почему-то показалось, будто мины он строил театрально, слишком наигранно, а на самом деле ни капельки не сердился и даже любил эту вредную Седьмую.

— Не бойся ты ее, — голос у Третьей оказался именно таким, как она представляла: нежный, ласковый и бесконечно добрый, как теплое молоко с медом на ночь. — Как тебя зовут?

— Я... Савада Тсунаеши.

На этот раз хмыкнули с другой стороны. Девочка с резким, неприятным в своем недовольстве лицом.

— Мы все тут «Савада Тсунаеши», — передразнила она и отвернулась. Увидев причину гнева новой знакомой, Тсуна немедленно ее простила: сзади шея была покрыта не зажившими ранами, ужасными, сочащимися сукровицей, что выглядело особенно страшно на фоне белой кожи.

Рубашка соскользнула слегка с плеча, и Тсуна с трудом подавила крик: из кожи торчали трубки и звенья крохотных цепочек, изредка вспыхивающих светло-зелеными искрами. Незнакомка выстрелила тяжелым взглядом и завернулась в одеяло, зашипев про себя — наверное, прикосновения к трубкам причиняли ей дикую боль.

Тсуна не обольщалась насчет этого места, не после многих месяцев в изоляции и темноте. Глаза до сих пор болели, а вены жгло, как будто в них заливали жидкое пламя. Но все равно видеть следы насилия, ужасных экспериментов на другом человеке... Тсуна обхватила себя руками.

Только сейчас она заметила нечто странное во всех присутствующих. Дети, как один, походили друг на друга. Разница была в цвете волос, реже — в разрезе глаз, но... Это были тощие, маленькие, кареглазые Савады Тсунаеши. Пластыри и бинты на лице, однообразная больничная одежда не способны были скрыть это.

— Пятая немножко резка, но все же права: мы все тут Савады Тсунаеши. Какой твой номер?

— Эм?..

— Какую цифру вырезали тебе на спине? — казалось, запас терпения Десятого бесконечен.

— Шесть.

— Ну, что ж, добро пожаловать в новый дом, Шестая.

Это предполагалось, как грандиознейший эксперимент из всех проводимых доселе. Воспользоваться умением открывать врата в другие миры и похитить оттуда одну и ту же одаренную необычными способностями личность. Изменить его при помощи новейших технологий, придав нужные свойства. Нужные, чтобы заполучить смертоносное оружие, чтобы заполучить власть, деньги, влияние. Живое оружие, полностью подконтрольные солдаты с уникальными навыками, превосходящими человеческие. За «образец» был выбран Савада Тсунаеши, наследник ненавистной Вонголы, чей дар поспешил заблокировать нынешний босс семьи — это о многом говорило уцелевшим ученым Эстранео. Разнообразие миров открывало такие перспективы, что у них кружилась голова. Некоторые Тсунаеши оказались обладателями удивительных способностей, не имевших ничего общего с привычным пламенем посмертной воли. К примеру, Пятую вынули из мира, где существовали экзорцисты и Чистая сила, но не было ни следа пламени посмертной воли. Двенадцатая принадлежала миру «меча и магии», обладала уникальным кровным чародейством.

Данные природой способности пестовали и усиливали. «Отличающиеся» были даже ценнее, потому что по расчетам подошла всего двадцать одна личность из шестидесяти открытых миров. Нельзя было упустить ни единой возможности исследовать, закрепить или улучшить качества. Каждый «отличающийся» — ценный, неповторимый образец. А вот «обычные», с пламенем давали простор фантазии в другом отношении. Пламя запирали, перенаправляли, как сделали это с Шестой. Однако было нечто неизменное, то, что сотворили со всеми — привили им измененные животные гены, создав своеобразных химер. Химеризация, как называли процесс превращения, позволяла усилить и без того обработанные качества, улучшить некоторые свойства, хотя переключение в другой режим выматывало, истощало ресурсы организма и сокращало жизненные сроки.

Для Шестой выбрали сокола. Ее изначально готовили для диверсий, шпионажа и тайных убийств: сделали легче костяк, что позволило увеличить скорость, привили прыгучесть, чтобы она могла буквально перелетать с крыши на крышу в случае погони. А еще улучшили зрение. После первого этапа химеризации Шестая могла стрелять без прицела с расстояния в две тысячи метров. И видеть, естественно, тоже. Особый вид парных пистолетов давал ее выстрелам убойную мощь. Запертое внутри пламя реагировало на оружие и выходило наружу в виде ускорения полета пуль, наделяя их определенными качествами. Шестая не нуждалась в снайперской системе, чтобы поразить цель на большом расстоянии с крыши какого-нибудь небоскреба.

Пули, кстати, создавались при помощи того же пламени, почему взаимодействие и происходило столь просто. Правда, «выковывать» их приходилось в свободное время, в спокойной обстановке.

Разумеется, не обошлось без недостатков. В контактном бою Шестая проигрывала даже медику-Третьей и тонкой-звонкой мечнице Седьмой. Прямые удары ломали ее кости легче, чем у остальных подопытных, а пламя не реагировало больше ни на что и никак себя не проявляло. Она была физически слабее своих товарищей. По меркам этих самых товарищей и лаборатории, конечно же. Обычные люди вряд ли нанесли бы ей серьезный вред.

Третья говорила, что в ней скрыт целый океан силы, обнаженного пламени, раскаленной лавы, нужно лишь добраться, но Шестая боялась. Для нее Третья выглядела ифрити, духом огня, скованным человеческой оболочкой, хрупкой, по сравнению с мощью, кроющейся внутри. Это пламя, эту силу ощущали все они. И если внутри нее кроется нечто подобное... Шестая боялась пробуждать его.

По сравнению с остальными она, пришедшая в казарму последней, казалась младшей и миниатюрной. Она и была младше — для развития навыков остальных ученые сунули в мир с ускоренным временным потоком. Только снайпер, по их мнению, должен как можно дольше оставаться мелким.

Тем не менее, как бы они ни ждали подвернувшейся возможности сбежать, удачный день настал слишком внезапно.

Красная тревога! Повторяем! Красная тревога в Третьей лаборатории. Повторяем...

Седьмая оторвалась от книги, сдула пушистую прядь со лба и достала из руки клинок. Серебристая сталь, блестящая на свету, выскользнула из центра левой ладони легко, как нож из подтаявшего масла. Глаза загорелись красным, а волосы удлиннились, завились на концах и почернели, напоминая потоки нефти, растекающиеся по водной поверхности. Рядом зашевелилась Пятая. Трубки уже давно не беспокоили ее, исчезнув бесследно. Зеленовато-оранжевые искры взвились в воздух и опали на тонких запястьях массивными перчатками. Чистая сила, призванная освобождать души. Или буквально вырывать их из слабых смертных тел.

Третья лаборатория — место, где занимались... Третьей. Вернее, пытались заниматься. Ей, единственной из всех, пришлось пережить шесть попыток химеризации, прежде, чем выяснилось, что живущее внутри огромное пламя просто сжигает все чужеродное, попавшее в организм. Как управлять подобной мощностью, а уж тем более лечить с ее помощью, знала только сама Третья. Точнее, действовала интуитивно, не умела сражаться и не владела всей силой целиком и полностью. Только это, как считали подопытные, уберегало Третью от уничтожения, как возможную угрозу. Поэтому ее и перенаправили на медицину — чтобы была хоть какая-то польза от ценного образца.

Они бы сражались, все вместе, за сестру, мать, за члена семьи, которому пока что нет названия, но который не менее дорог, чем остальные. Скованные по рукам и ногам, не способные сбежать или причинить вред, они тем не менее готовы были выкрутиться, практически выломав себе руки и ноги, чтобы помочь Третьей. Чтобы помочь любому из членов семьи. Ученые, скорей всего, знали их настроения, и боязнь погубить многолетний эксперимент удерживала от поспешных действий.

Тем более удивительно получить сигнал о бедствии, когда они так удачно все одновременно вернулись с миссии и собрались в одном помещении. Невольно наводило на нехорошие мысли. Шестая опустила пешку и достала пистолет, тяжесть второго на бедре обнадеживала, Девятнадцатая, впрочем, тоже позабыла о шахматах. Они все смотрели на дверь, нетерпением и готовностью пойти в атаку.

За дверью трещало, шуршало, становилось жарко, и этот жар все нарастал и нарастал, пока пламя, золотистое, с оранжевыми всполохами, не прокатилось всеобъемлющей волной. Шестая слышала крики, слышала, как плавятся металлические конструкции, как сгорает все, даже камень. Включая ученых. И только подопытных пламя, разлившееся вокруг золотым полем подсолнухов, ласкало, обнимало. Шестая чувствовала, как сглаживаются некоторые шрамы, как исчезают из костей и из-под кожи датчики-жучки, как растворяется ошейник, не позволявший им сбежать.

Ее семья переглядывалась, недоверчивая, не верящая собственному счастью. На глазах выступали столь редкие слезы. Лишь Десятый смотрел в пространство, зрачки его полыхали чистым, не сдерживаемым янтарем, пока он своим даром прощупывал вероятности исхода в будущем. Дар ясновидения они скрывали точно так же, как неожиданное развитие своих способностей. Маленькие сюрпризы, способные вывести их на свободу, снять проклятые ошейники. Никто не говорил, как далеко зашла в своем кровавом даре Двенадцатая, научившись подчинять людей по одной капле крови. Они помалкивали о том, что химеризация Восьмой пошла по иному пути, разделилась, дав девушке две формы вместо одной. Ученые даже не подозревали, что слух Шестой тоже обострился до невозможности, и она

подслушивала, шпионила, в общем, делала то, для чего была создана, в надежде вывести нечто полезное и важное для побега.

А когда волна откатилась, они оказались посреди оплавленной, переполненной черной, горелой землей воронки. Оплавилось все, даже мельчайшие кусочки щебня, толстые бетонные стены и металлические конструкции, которые не могли пробить сами подопытные во время тренировок. Черная, пахнувшая огнем и пеплом стена вела наверх. На краю стояла усталая, измученная, но решительная Третья. И глаза ее полыхали нестерпимо, не-человечески. Это пугало бы до дрожи, но ведь перед ними была их Третья. Лечившая раны, успокаивающая во время кошмаров. Их Третья, заботливая мамочка при папочке-Десятом.

Поэтому они принялись вскарабкиваться вверх по склону, туда, где им улыбалась их сестра.

— Доброе утро!

— Доброе.

Третья бросила короткий взгляд на вошедшую, а затем вновь вернула все свое пристальное внимание пекущимся блинчикам. Готовые партии на столе истекали медом, джемом, сиропом и маслом — вкусы своих родственников девушка изучила досконально.

С заднего двора доносились звуки ударов, треск пламени, топот, как будто там бегала маленькая армия.

— Они еще не закончили?

— Скоро будут, — Третья сложила последние блинчики на тарелку и подошла к окну, легонько отодвинула занавеску, чтобы посмотреть, как обстоят дела. — После финальной стадии химеризации никак не могут поверить в то, что выжили. Радуются солнцу и миру в целом, — хмыкнула она, отворачиваясь и опираясь на подоконник. Яркий свет бил в спину, оседал золотым ореолом на распущенных волосах.

Иногда Шестая думала о Третьей, как о дитя солнца. Пламя горело в ней ярко и негасимо, ощущалось снаружи. Свет, который нельзя повторить, равных которому нет. Третья горела и не сгорала, огненная мощь сдерживалась лишь ее волей и желанием.

— Ты все-таки уезжаешь? — на красивое лицо набежала тень. Бессмертие Шаманов сделало Третью очень красивой, той внутренней мудрой красотой, что отличала ее от остальных Савад.

— Да. Ты же знаешь...

— Знаю.

Шестая опустила взгляд и принялась задумчиво, неосознанно смешивать потоки масла и сиропа. О подобном не хотелось размышлять, тем более не в такой солнечный пригожий день, но мысли сами волей-неволей возвращались к предмету.

У каждого в мире есть собственная судьба и предназначенная ему дорога, созданная из решений, самого человека и окружающих. Кому много дается, с того много спрашивается. С одаренных берется больше, чем с остальных. Мир требует их присутствия, поэтому членов семьи невольно тянет вернуться в собственную реальность, чтобы закончить свой путь, свой «квест», как выражается их хакер. Эта тяга не поддается контролю, ее нельзя изжить или сломать. Раньше ее сковывали ошейник и датчики ученых, но после уничтожения лаборатории и оборудования, сдерживающих факторов не осталось. Они не сразу поняли, в чем дело, и если бы не дар Десятого, продолжили бы блуждать в потемках.

Это не насилие над личностью, не отсутствие выбора как такового. Можно закончить «квест» и вернуться, как сделала это Восемнадцатая, теперь постоянно проживающая в доме Третьей. Однако проблема в том, что ты прирастаешь душой к людям, с которыми начинаешь дорогу, прирастаешь сердцем к миру, вплетаешься в него и уже не можешь оставить. Впрочем, это ведь не означало, что они забывали о своей настоящей семье. Просто начинали получать удовольствие от жизни в своих мирах — прежних домах.

Исключения составляют Дети Звезд — Шаманы, владеющие пламенем. Как Десятый. Как Третья. Они могут идти куда угодно, жить в каком угодно мире. Они бессмертны и могущественны.

Шестая скучала по своей реальности, по тому, что смутно помнила из до-лабораторного времени. По мороженому, по теплу, по чему-то... настолько своему, что и не объяснить сразу. Сердце тянуло. Пусть ей рады здесь, пусть у нее есть своя комната, и она называет дом Третьей своим домом, она не принадлежит этому миру. Восемнадцатой просто некуда деваться, врата в ее измерение захлопнулись раз и навсегда. Сестра выглядит довольной, но порою...

— Ты всегда можешь вернуться, помнишь?

— Конечно. Кто у нас на очереди на химеризацию?

Третья вздохнула, на лицо ее набежала тень, сделав визуально старше. Физиологически ей было двадцать четыре, тогда как официально — шестнадцать. Впрочем, из их компании лишь у Шестой документальный возраст соответствовал биологическому.

— Седьмая. И мне страшно.

Шестая понимающе кивнула. Сбегая из мира Десятого, что служил домом безумным ученым, в мир Третьей, они не знали, что препараты, которые им выдавали в лаборатории, сдерживали

процесс химеризации, вялотекущий в их организме. Им оставался шаг до финальной стадии, на которой решалось, станут ли они безумными монстрами, утратят себя или сохраняют человечность. Это тяжело, нереально тяжело, они до сих пор продолжали уничтожать химер, расплотившихся после гибели ученых. Твари без разума в глазах, хищные и опасные, переполненные инстинктом убивать. В них не оставалось ничего человеческого.

То же самое грозило семье. Каждому, кроме Третьей. Впрочем, для той пробуждение силы и рост в Шамана тоже не прошел даром — та волна, уничтожившая и освободившая, сопровождала рождение бессмертного. Пламя выжигало все человеческое, изменяя тело окончательно и бесповоротно, даруя способность видеть будущее и смотреть, как умирают дорогие люди.

Десятому пришлось сложнее, и Шестая не хотела бы вспоминать его химеризацию, когда последний этап слился с перерождением. Этот крик все еще стоял в ушах. Десятый, который не кричал во время самых сложных опытов, не издавал ни звука, когда операции больше походили на пытку, их лидер, жертвующий собой, чтобы защитить другого, этот Десятый кричал и выл, превращаясь в монструозного льва, объятых пламенем. И Шестая, сидевшая в засаде в пятистах метрах от него, больше всего на свете боялась, что именно ей придется исполнить просьбу и привести приговор в исполнение.

Они попросили друг друга убить их, если кто-то утратит разум и не сможет вернуться из состояния химеры. Лучше смерть, чем жизнь в образе безмозглой твари, пытающейся убить дорогих людей. Палачом мог стать каждый. Но пока что Судьба была милостива к ним, и все возвращались, приобретая новые свойства организма или усиливая имеющиеся.

Вялотекущий процесс химеризации подтачивал их силы и сокращал жизненные сроки, но стоило только перейти черту, сбросить звериные оковы, как жизнь возвращалась к норме. Те, кто пересилил себя, сумел победить и подчинить себе собственный организм, могли больше не бояться утратить разум, а Третья подтверждала, что жить они будут чуть дольше, чем обычные люди.

Шестая не надеялась дожить до двадцати, когда пришла ее пора. Было больно, чертовски больно. Кажется, она кричала и грызла Третью, но потом мягкий голос мамочки вернул ее из небытия, подарил силы и решимость справиться, пройти весь путь до конца.

— Ты справишься, я знаю. Ты очень сильная, Шестая. И это правда, ведь мамы не должны врать.

Мамы не должны врать.

Седьмая вызывала столько же опасений, сколько Шестая в свое время. Ее химеризация была одной из самых опасных: тонкие, как кожа, прочные, как алмаз, доспехи, покрывающие ноги, позволяли ей пробивать этими самыми ногами бетонные стены. Но и выматывали значительно, даже сильнее, чем остальных.

— Она справится, не переживай, — в кухню вошел раскрасневшийся Десятый, радостно помахивающий раздвоенным хвостом. — Только придется побегать.

Тот остался у лидера после химеризации, напоминая о некоматах, хотя прививали Десятому гены льва.

За ним втекла Восьмая, как всегда в деловом костюме, с идеально выглаженной юбкой, в белоснежной блузке — хоть сейчас в рекламу. Ничто не говорило о том, что она два часа тренировалась с лидером. Даже шляпа сидела ровно на чуть растрепавшихся черных кудрях. Волосы ее изменили цвет и структуру после окончания химеризации.

Женское воплощение мафии. Вонгола ее ненавидела. Занзас обожал. Впрочем, трудно не любить человека, с которым бухаешь каждые выходные.

— Что тут у нас? М, блинчики! Обожаю!!!

— Тебя в Вонголе, что, не кормят? — с жалостью посмотрела Третья на то, как Восьмая набивает рот, сверкая желтыми глазами.

— Не-а. Они меня вообще видеть не хотят. После того, как я поруководила ими шесть месяцев, было единогласно решено, что все решения в Вонголе принимают Хранители, а за это семьи Альянса не нападают на них. Потому что иначе к власти вновь приду я! — Восьмая была откровенно довольна тем, как запугала к чертовой матери весь Альянс и Вендиче в придачу. — Так что я как тучка, плаваю где-то вдалеке, мрачная и темная, а все мое руководство сводится к буханию с Занзасом.

В принципе, истории миров с пламенем не слишком различались: Саваду Тсунаеши назначали наследником Вонголы, приходил Реборн... и вот тут уже члены семьи начинали отрываться. Как Восьмая, крепко подружившаяся с главным психом Варии ее мира, отчего остальная Вария стонала в голос. Как Десятый, который то ли запугивал, то ли соблазнял своего Реборна.

— А еще у меня есть младший брат, на которого смотрят с надеждой и страстным томлением однажды сделать его правителем всея Вонголы.

Шестая не сдержала улыбки, видя, как многозначительно переглянулись папочка и мамочка их большой семьи.

— Но ты ведь подкорректируешь воспитание Реборна?

— О, непременно!

От такой улыбки Восьмой люди прятались куда подальше или дрожали так, что тряслось все здание. Злорадное предвкушение садистского развлечения. Восьмая не любила пытаться, но

портить нервы умела, как никто другой. Наверное, «анимагическая» форма сказывалась.

Звонок в дверь прервал мирную трапезу. Десятый удивленно вскинул брови, а Третья пошла открывать.

Не то, чтобы в Намимори не знали, кто здесь живет, но друзей или приятелей на первый взгляд общительная Третья не заводила. Ей хватало вежливых приветствий соседей и того, что в ее жизнь не лезут.

Шестая переглянулась с лидером и сестрой и первой выглянула из-за угла. Любопытство родилось явно раньше них.

Третья прислонялась к дверному косяку, сложив руки под значительной грудью, а на пороге стоял маленький ребенок с чемоданчиком. С поляй его шляпы хлопал глазами милый, крохотный хамелеон.

— Госпожа Савада Нана? — писклявый голос с едва уловимым акцентом ударил по чувствительным ушам. Шестая чертыхнулась и немножко «убавила» остроту слуха. — Меня зовут Реборн, я профессиональный репетитор и сделаю из вашей дочери лидера нынешнего поколения. Емитсу должен был позвонить вам.

Третья смотрела на нежданного гостя так, словно не знала, плакать ей или смеяться. Восьмая беззастенчиво всхлипывала, уткнувшись в плечо улыбающегося Десятого. Ничего удивительного, что Третью приняли за ее мать — девушка выглядела старше своего формального возраста, но... Все равно смешно. Третья-то думала, что обошлось, и квест с мафией и прочим ее не коснется.

— Папочка не звонит сюда вот уже шесть лет, с тех самых пор, как номер телефона сменили, — в голосе журчал смех, едва уловимый, но... одновременно такой отчетливый. Или Шестая слышала его, потому что хорошо знала Третью? Кажется, нет, вон, Десятому с Восьмой тоже весело.

Лицо ребенка слегка вытянулось, от резкого движения хамелеон чуть не свалился с плеча.

— Савада Тсунаеши?

— Ага, она самая. Но можешь звать меня Трес, малыш.

Шестой показалось, или вот это вот «малыш» прозвучало больно похоже на то, как произносит данное слово один их общий знакомец из мира Пятой?

Трес — официальное имя для не входящих в круг семьи. Кто такой Савада Тсунаеши? Кто такая Савада Тсуна? Это дочь Емитсу и Наны, безбидная, беззаботная девочка, наследница Вонголы

с наивностью в карих глазах и уверенностью, что добро всегда победит зло. Причем, о том и другом имелись весьма абстрактные понятия.

Они уже не Савада Тсунаеши. И не Савада Тсуна. Номера стали их именами, которыми они гордились по праву. Потому что не просто выжили, но и выдержали, сумели сохранить себя, не озлобиться. Назло мучителями верили, надеялись, помогали. Назло всем сохраняли себя, чтобы не мстить всему миру, чтобы однажды, рано или поздно, тоже суметь поверить кому-то не из семьи.

И тут Реборн задал глупейший в ситуации вопрос:

— А где Нана?

— М-м-м... — Третья задумалась, подняв очи к потолку. — Кажется, сейчас где-то в Сингапуре, с новым мужем. Отец же должен был сказать, что они развелись.

Сквозь стиснутые зубы раздалось шипение, что-то вроде «этот чертов идиот Емитсу!»

— В любом случае, — взял себя в руки репетитор, — я пришел сделать из тебя лидера Вонголы.

— Не заинтересована. Прости, малыш, — Третья захлопнула дверь.

Восьмая скатилась на пол в беззвучном хохоте. Кажется, это будет самый короткий «квест» среди них всех.

Шестая покачала головой и отправилась собирать вещи. Ей предстоит путешествие домой.

<http://tl.rulate.ru/book/16503/330910>